

Классный час «Дети Блокады»

Ведущий: Время стремительно идет вперед. Стала историей Великая Отечественная война. Мы не видели войны, но мы дорожим памятью 27 миллионов сынов и дочерей, отдавших жизни за свободу, светлое будущее Родины. На войне невыносимо трудно всем. Но особенно страдали дети. Страдали от холода и голода, от невозможности вернуться в детство, от кромешного ада бомбежек и страшной тишины сиротства.

Ведущая: Ужасную участь готовил Гитлер Ленинграду. Он хотел блокировать город и путём обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбёжки с воздуха сравнять его с землёй.

Ведущий: Для осуществления этого варварского замысла гитлеровское командование бросило к городу огромные силы – более 40 отборных дивизий, 1000 танков, 1500 самолётов. Немцев поддерживали 200 тысячная финская армия, «Голубая дивизия» Испании, легионеры Нидерландов, Голландии, Бельгии, Норвегии.

Ведущая: Ожесточённые бои на подступах к городу начались 10 июля 1941 года. 8 сентября 1941 года фашисты захватили в кольцо Ленинград. Началась небывалая в истории почти 900 -дневная блокада, точнее она длилась 871 день. Во время блокады в городе умерло от голода и холода 641 тыс. человек.

Ведущий: 27 января Российское правительство объявило Днём воинской славы России. В этот день в 1944 году была полностью снята блокада города Ленинграда (ныне Санкт-Петербург).

Ведущая: До войны это были самые обыкновенные мальчишки и девчонки. Учились, помогали старшим, играли, дрались и влюблялись. Их имена знали только родные, одноклассники да друзья. Но пришла беда и маленькие граждане большой страны разделили сполна со взрослыми всю тяжесть той страшной войны.

Ведущий: Их повзрослевшее детство было наполнено такими испытаниями, что, придумай их даже очень талантливый писатель, в это трудно было бы поверить. Но это было.

Чтение дневников детей блокадного Ленинграда.

На экране демонстрируется документальный фильм о блокаде Ленинграда.

Ведущая: Сегодня мы ещё раз увидели, какую ценой нам далась Победа. Ценой миллионов жизней, в том числе и детских. Сегодня мы учимся у них беззаветной любви к Родине, смелости и достоинству, мужеству и стойкости.

Ведущий: Над нами мирное небо. Во имя этого отдали свою жизнь миллионы сынов и дочерей Родины. И среди них те, кому было столько лет, сколько сегодня вам. И пусть каждый задаст себе вопрос: «А я смог бы поступить так?» - и, ответив самому себе искренне и честно, подумает, как надо сегодня жить и учиться, чтобы быть достойным памяти своих замечательных ровесников, юных граждан нашей страны.

Ведущая: Давайте почтим светлую память воинов, жителей, детей Ленинграда, отстоявших его и не доживших до наших дней, минутой молчания.

Минута молчания.

Ведущий:

Люди,

Покуда сердца

стучатся, -

Помните!

Какою ценою

завоевано счастье,

Пожалуйста, помните!

О тех,

Кто уже никогда не споет,

Помните!

Детям своим расскажите о них,

Чтобы запомнили.

Детям детей

Расскажите о них,

Чтобы тоже

Запомнили!

Во все времена

Бессмертной земли!

Помните!

Люди Земли!

Мечту пронесите

Через года

И жизнью наполните!

Но о тех, кто уже не придет никогда, заклинаю:

Помните!

Юра Рябинкин 16 лет

Ноябрь 1941 г. Теперь я мало забочусь о себе. Сплю одетым, слегка прополаскиваю разок утром лицо, рук мылом не мою, не переодеваюсь. В квартире у нас холодно, темно... Я здесь живу в голоде, холоде, среди блох... Сегодня вечером после тревоги сходил в магазин. В рукопашной схватке, в огромной тесноте, такой, что кричали, стонали, рыдали взрослые люди, удалось ценой невероятных усилий пробиться без очереди и получить 190 г сливочного масла и 500 г колбасы из конины с соей... Хлеба дают теперь на человека 125 г в день. Как бы я поел сейчас хлеба, хлеба, хлеба. Мама говорила, что голод, который мы переживаем, хуже того, что был в 1918 году.

Декабрь 1941 г. «Каждый прожитый мною день приближает меня к самоубийству... выхода нет. Тупик... Голод. Страшный голод... Какой страшный голод! Но я хочу жить!.. Я потерял свою честность... я постиг свой удел... Сегодня, возвращаясь из булочной, я взял довесок хлеба от мамы и Иры граммов в 25 и укромно съел... Я скатился в пропасть, названную полнейшим отсутствием совести, бесчестием и позором... Я недостойный сын своей матери. 3 января 1942 г.: ...Я хочу так страстно жить, верить, чувствовать. Но смерть, смерть прямо в глаза... Я весь обовшивел... Что мне делать, о Господи? Я ведь умру, умру, умру, а так хочется жить, жить, жить... Нет никакой надежды.

6 января: Я совсем почти не могу ходить. Почти полное отсутствие сил... силы уходят, уходят, плывут. А [время](#) тянется... О Господи, что со мной происходит? И сейчас я, я, я...

Это последняя запись в дневнике Юры.....

Таня Савичева 11 лет

Однажды не вернулась с работы старшая сестра Нина. В этот день был сильный обстрел, дома беспокоились и ждали. Но когда прошли все сроки, мать отдала Тане, в память о сестре, ее маленькую записную книжку, в которой девочка и стала делать свои записи.

Детская рука, теряющая силы от голода, писала неровно, скупое. Хрупкая душа, пораженная невыносимыми страданиями, была уже не способна на живые эмоции. Таня просто фиксировала реальные факты своего бытия - трагические «визиты смерти» в родной дом.

«Женя умерла 28 декабря 1941 года в 12.30 час. утра».

«Бабушка умерла 25 января в 3 часа дня 1942 г.».

«Лека умер 17 марта в 5 часов утра. 1942 г.».

«Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа ночи. 1942 год».

«Дядя Леша 10 мая в 4 часа дня. 1942 год».

«Мама – 13 мая в 7 часов 30 минут утра. 1942»

«Савичевы умерли»

«Умерли все».

«Осталась одна Таня». ...

Таню, потерявшую сознание от голода, обнаружили служащие специальных санитарных команд, обходившие ленинградские дома. Врачи в течение 2-х лет сражались за жизнь девочки, но губительные процессы в ее организме оказались необратимыми. У Тани тряслись руки и ноги, ее мучили страшные головные боли. 1 июля 1944 года Таня Савичева скончалась.

Таня Воссоевич 13 лет

27.III. 23/I-42 г. в 6 ч. 28 м. умер Вова.

1942 г. – 17/II в 11 ч. 45 м. умерла мама.

Страницы дневника склеены, чтоб никто не видел самого сокровенного: план кладбища с могилами, потому что сторож хоронил на Смоленском кладбище, где нельзя было хоронить. И Таня закодировала место захоронения.

На похоронах были тетя Люся, Гросс-мама, я и Толя Таквелин – Вовин лучший друг и одноклассник. Толя плакал – это растрогало меня больше всего. Я договорилась с Худяковым, который вырыл могилу Вове, чтобы он рядом вырыл могилу папе Иры Разумовской – Александру Николаевичу, и он сделал в правую сторону нишу, где поставили гроб Александра Николаевича.

Маму хоронили я и Люся.

Вова и мама похоронены в настоящих гробах, которые я покупала на Среднем проспекте у второй линии за хлеб. Худяков вырыл за крупу и хлеб. Он хороший и взял с меня, что у меня было и не ругался и был добр ко мне. Мама на похороны Вовы не ходила – у нее уже не было сил.

Я стояла в комнате у печки отвернувшись и не плакала, мне было страшно. Я не понимала, не верила... я никогда в жизни не видела близко мертвого человека.

Мороз. Яркое солнце. Я иду в детскую больницу на 3-й линии. Взять свидетельство о смерти. Я в Вовиной шубе. Главный врач находит картотеку Владимира Вассоевича и крупными буквами поперек выводит УМЕР.

Гросс-мама и Люся выносят Вову. Лидия Ивановна Моткевич вышла.

Перекрестилась. Люся везет гроб, Гр-мама и я идем. Рядом везут Иркиного отца. С нами идёт Толя Таквелин. Два голубые гроба. Люди спрашивают, где заказали такие хорошие. 1 раз в жизни я на кладбище. Яма. Как оказывается, все просто. Толя плачет. Так вот кто любил Вову!

Саша Козенков 7 лет

В 1941 году поймать на помойке кошку считалось большой удачей. Прижмешь ее за пазухой, чтобы перестала пищать, и тащишь тетке на кухню. А она уже готовит из животного похлебку на всю нашу уличную братию. Тетка многих моих друзей по несчастью спасла — ребяташек, которые, как и я, в первые же дни войны осиротели.

В детстве нашей главной ежедневной задачей было найти еду. Все живое и неживое становилось добычей. Лебеда и крапива считались деликатесами. Весной 1942-го даже верхний слой почвы, на которой что-то росло, снимали, заваривали, сцеживали и пили этот отвар с земляным «жирком», закусывая остатками кореньев...

Ежедневной обязанностью меня, семилетнего мальчишки и других мальчишек был поход за водой к Неве. Благо река текла неподалеку от дома. Не знаю, как мы не отравились той водой, потому что вся она была с кровью. Многие люди проваливались под лед, а затем ранили себе руки, цепляясь за кромку полыньи, надеясь выбраться. Отгребешь ковшиком в проруби кровь и мазут, что оставляют пароходы, и черпаешь воду в бидон. Во время авианалетов мы - мальчики бросали тележки или санки с бидонами и бежали домой, чтобы помогать взрослым тушить бомбы-зажигалки. Дежурные сбрасывали их с крыш стоявшим внизу детям, а мы оттаскивали снаряды к бочкам с песком или с водой. Моя бойкая тетушка записала всю дворовую ребятню в пожарную команду — чтобы пайка хлеба у нас была чуть побольше детской суточной нормы.

В бомбоубежище я спускался лишь дважды — вместе с товарищами затаскивал туда раненых. Мне казалось, что в здании я скорее погибну — завалит обломками. Поэтому девять месяцев фактически прожил на улице. К тетке забегал лишь поесть да помыться. Спал, зарывшись в снег, укутавшись в фуфайку и поплотнее прикрыв уши, чтобы не слышать бомбежек. Но от них невозможно было спрятаться — город ежедневно подвергался многочасовым атакам с воздуха и артобстрелам. Слышно было даже, как на ломаном русском языке с самолетов предлагали сдаваться. Разбрасывали и листовки: «Ленинградские матрешки, вы не бойтесь бомбежки. Мы не будем вас бомбить, будем голодом морить».

Миша Тихомиров 15 лет

Миша Тихомиров возглавил противопожарное звено. Однажды, когда после отбоя воздушной тревоги Миша доложил: «Пожар погашен!», мы увидели, что волосы его будто припудрены известью. Но то была не известь, а седина...

9/12-41 г. Едим два раза в день: утром и вечером. Каждый раз суп с хряпой или чем-нибудь другим (довольно жидкий), какао утром, кофе вечером. До последнего времени пекли лепешки и варили изредка каши из дуранды (теперь она кончается). Закупили около 5 кг столярного клея, варим из него желе (плитка на один раз) с лавровым листом и едим с горчицей.

16/I-42 г. День богат событиями. Днем совершенно неожиданно явился Алик Портяки. С ним я не виделся месяца 3. Вот настоящий друг! Он притащил мне около литра соевого сладкого молока! Он сейчас получает по первой категории; его мать, доктор, тоже: до последнего времени он доставал такое молоко. За «замором червя» заварили какао с таким молоком, вечером по две ложечки его добавили в кофе. Божественно, невообразимо, неописуемо вкусно! Пол-литра молока мама завтра попытается обменять на хлеб. Если не удастся удачно проделать это – оставим себе. Вечером – второе событие: пришла записка от директора школы, в которой тот сообщал, что папу берут в госпиталь для усиленного кормления и восстановления сил. Сделано ли это школой или по настоянию Райсовета, пока не знаем. Во всяком случае это очень хорошо: папа в последнее время жаловался на слабость, и мы очень беспокоились о нем, а там он как следует отдохнет. Сегодня вечером будем собирать его в госпиталь.

Дуранда – спресованный жмых от подсолнечника

Хряпа – верхние листья капустного кочана

Мальчик Саша 12 лет

Вши совсем заели. Лезут и лезут. Узнали, что где-то сдохла лошадь, ей сбросили в яму. Мама с Татуськой (я болел) пошли за падалью. Идти было далеко, трамваи не ходили. С мамой пошли и другие, но они не выдержали и вернулись назад. У ямы было уже человек двадцать. Мама с топором прыгнула в яму, перед ней расступились, и она торопливо стала обрезать кишки. Выбралась из ямы под ругань и угрозы, сложила кишки в мешок и пошла домой. Идти было тяжело. Татуська капризничала, её надо было тащить за руку. В руках у мамы были лопата, топор и мешок с кишками, в другой руке. Дома вымыли эту падаль и мама, вместе с картофельными очистками, сварила наподобие пюре. Постучались в дверь. Вводят мужчину – это наш папа, был страшный, глаза навывкате. Упал на дороге, подняться не смог.

Устроили меня в заводскую столовую поварёнком, это на «Малой Юхте», в двенадцати километрах от нашего дома. Каждый день пешком по 24 километра. В сильные морозы, в кирзовых сапогах, в осеннем пальто, при недоедании. Было очень трудно. По утрам плакал. Не хотелось уходить от мамочки.

Конец декабря. Стало совсем плохо. В доме оставался только хлеб по 125 грамм. Мама стала всё менять на хлеб. Сожгли всю мебель. Маме становилось всё хуже и хуже. С работы шёл очень быстро, чтобы увидеть мамочку. Порезал палец, отстранили от работы. Рука распухла, почернели пальцы — ждал, когда дадут продуктовые карточки. Три дня пролежал на кровати в подвале столовой, ничего не ел. Заели вши, всё тело распухло. Карточки не получил – и пошёл домой, чтобы увидеть мамочку. Быстро идти не получалось, кружилась голова – слабость. Было как-то тревожное предчувствие, а вдруг мамочка... Подошёл к дому, а ноги наверх не идут. Зашёл в комнату, а там лежит наша мамочка – уснула навсегда. У меня всё помутилось. Бедный Вовочка лежит рядом с мамочкой, покрытый вшами, тихий, не плачет, наверное, не понимает, что случилось. Маму завернули в одеяло, вынесли на улицу и оставили там. Хоронить не было сил.

Лера Игошева 14 лет

Голод – одно из страшных физических страданий. Как и другие физические страдания, его нельзя передать полностью на словах или в письме - его надо испытать. Это страшное чувство: хочется есть. Хочется есть что-нибудь – хлеб, картошку, дуранду, мясо, сахар, шоколад – лишь бы есть, лишь бы побольше. Остальные чувства и мысли притупляются, думаешь о еде, о прошлой еде, о будущих счастливых временах. В будущем ставишь себе первую проблему – насытиться; представляешь, как устроишь жизнь...

Утром каша, обязательно вкусная, горячая каша с маслом. Потом чай или какао, хлеб, булка, сахар, всего много, всего в избытке... Смешно, но об этом думаешь часто, очень часто. Кажется странным, как можно было раньше так мало есть, как можно было уделять так мало внимания питанию...

Недавно произошло нечто и приятное, и очень мерзкое, нехорошее: Папа принес кошку – да, живую кошку принес в портфеле домой. Раньше у него был разговор, обычно полушутливый, что, возможно, придется есть кошек, но дальше шутки не шло. Я обмерла. Папа сказал, что очень хочет есть, а потому принес для себя, и чтоб я не волновалась. Я не могла выдержать непреодолимое чувство отвращения, гадливость наполняла меня, я расплакалась и уехала к Маме. Вернулись мы вдвоем. Понемногу я успокоилась. Действительно, ведь все это лишь предрассудки. Мы едим свинину и хвалим, а уж чего-чего свинья не ест, ведь кошка чище. В данном случае это был кот одних знакомых, абсолютно чистый, ел из одного блюда, был очень жирный. В общем, Папа его освежевал – мясо я видела, вполне приличное и красивое, и мы... съели кошку. Это было вкусно, совсем без привкуса, жирно, питательно, но ели мы, скрывая от других, ели редко глядя друг другу в глаза, и теперь мне не хочется об этом думать и вспоминать, больше я все равно не хочу этого есть... Кто знает, быть может, еще придется.

Галина Зимницкая 14 лет

26 октября. Побывали в двух госпиталях, но нас не взяли из-за возраста. Потом пошли в третий большой госпиталь, который разместился в Лесотехнической академии. Наконец, удача – нас согласились взять писарями, так как многие раненые не могут сами писать письма. Завтра идем с Верой. Я очень волнуюсь. Ведь надо найти в себе силы не показать жалости, не волноваться.

28 октября. В госпитале все обошлось лучшим образом. Привели меня с Верой в палату, где лежали бойцы с забинтованными руками или ногами, были и с завязанными глазами. Однако атмосфера в палате была не унылая, а вполне нормальная, и волнение мое сразу же прошло. Раненые нас приветливо встретили, стали расспрашивать, как мы учимся, интересовались всеми подробностями жизни города. Быстро освоившись, мы принялись писать под диктовку раненых письма. В тот вечер я написала четыре письма, стараясь не делать ошибок.

30 октября. Иногда нам дают несложную работу: скручивать бинты, делать тампоны. Один раз мыли посуду. Взрослые стараются угостить нас чем-нибудь. Но мы с первого дня отказались от еды, и это остается непреклонным. Медсестра уговаривает нас поесть, говорит, что хлеб остается от пайка тяжелобольных или умерших. Но мы не поддаемся, хотя есть очень хочется. Боимся, как бы не подумали, что мы ходим в госпиталь из-за еды.

2 ноября. Старшей медсестре надоело с нами воевать по поводу еды, и она пожаловалась начальству. Главврач был немногословен: «Не будут есть – не пускайте в госпиталь». И сразу стало легче. Теперь мы не испытываем мук отказываться от каши или хлеба.

11 декабря. Днем в булочной видела ужасную сцену. Мальчишка лет десяти выхватил у старушки пайку хлеба и сразу начал есть. Женщины бросились отнимать, а он лег на пол, лицом вниз, и, не обращая внимания на обрушившиеся удары, доел хлеб на грязном полу. Полежав немного, воришка встал, вытер рукавом слезы и кровь и ушел грязный, оборванный, совсем одинокий.

29 декабря. В парадном встретила Генину маму. Поздоровались.

- Приходи с Геней попрощаться.

- А куда вы уезжаете?

- Никуда. Он умер.

Тетя Настя спокойно это сказала, а я тупо уставилась на нее.

- Если хочешь попрощаться, приходи сегодня. Завтра, рано утром, повезем на кладбище.

Я пришла домой и, не раздеваясь, плюхнулась на стул. Геня умер? Геня умер! Вот и конец моей первой детской привязанности, может быть, даже любви. Уж очень мне нравился этот веселый, умный мальчик. Он научил нас быть добрыми, ценить дружбу. Я сидела и думала о Гене как о живом и не могла представить его мертвым. Прощаться с ним я не пошла, пусть останется в

моей памяти только живым. И если мне суждено будет выжить, то я его никогда не забуду.

7 марта. Сегодня забежала к своим и сразу увидела пустой диван. Умерла Евгения Трофимовна. С вечера уснула и не проснулась.

За столом сидела бабушка и ела суп из воробья. Она нашла на улице замерзшую птичку, ощипала ее и сварила с лавровым листом. Я заглянула в кастрюльку – какой же воробушек маленький! С собой я принесла кусочек хлеба с котлеткой, положила его перед бабушкой. Она посмотрела на меня и заплакала, потом отщипнула маленький кусочек и заела воробья.





Рекомендуемая литература для самостоятельного чтения о детях войны:

М. Сухачев «Дети блокады»

Е. Верейская «Три девочки»

Б. Окуджава «Будь здоров, школяр»

А. Крестинский «Мальчики из блокады»

Л. Никольская «Должна остаться живой»

В. Катаев «Сын полка»

Ю. Яковлев «Девочки с Васильевского острова»